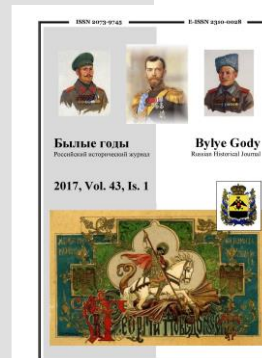

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 129-138, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.129
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 93

Ukrainian Question in the Russian Conservative Thought. The end of XIXth – early XXth century

Andrey A. Ivanov ^{a,*}, Aleksandr E. Kotov ^a, Denis G. Yanchenko ^a, Dmitrii V. Ovsjannikov ^a

^a Saint Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

Ukrainian nationalism appears in the middle of the XIX century. Russian conservatives do not perceive it as a serious threat. Attitude to this problem has done serious evolution - from ridicule of cranky small group of provincial intellectuals to recognize the imminent prospects of territorial division and the breakdown of historical unity of the Russian people. Editor of "Moscow News", a well-known publicist, M.N. Katkov was the main critic of "ukraynofilstvo" in the second half of the XIX century. Otherwise, but also critical as a whole, perceived this movement M.F. De Pulet, I.S. Aksakov and V.J. Shulgin (founder of newspaper "Kievlyanin"). A major criticism of Ukrainian nationalism was the conservative writers of the period: P.A. Kulakovskiy, L.A. Tikhomirov, M.O. Menshikov, V.M. Purishkevich, D.V. Skrynchenko and D.D. Muretov. In particular positions stood nationalist T.V. Lokot', considered people of Great Russia, Russia Minor and Belorussia as the Russian ethnic groups, not united into a political nation. The most consistent and staunch fighters against the "Ukrainians" was Kiev residents A.I. Savenko and V.V. Shulgin. Despite the rather harsh assessment of the emerging "Ukrainians", representatives of the conservative camp did not allow themselves pejorative judgments at the inhabitants of Russia Minor. Among the Russian conservatives were quite a few people who both believed to be children of the Great Russia and Russia Minor, but they perceived «Ukrainian idea» as a chimera. It was imposed to people by anti-Russian part of the local intelligentsia. Russian conservatives have not seen in the emergence of "Ukrainians" any historical validity. They interpreted this as a political project, aimed at the division of a single nation, and the state territory, favorable to geopolitical rivals of Russia.

Keywords: Russian conservatism, Ukrainian nationalism, Ukraine, Ukrainophilism, M.N. Katkov, V.Y. Shulgin, V.V. Shulgin, V.M. Purishkevich, A.I. Savenko, T.V. Lokot'.

1. Введение

Русские пореформенные консерваторы традиционно видели своих врагов в либералах, революционерах и внешних противниках России. Украинский национализм, зарождавшийся в середине XIX века, поначалу не воспринимался русскими консерваторами в качестве серьезной угрозы. Однако постепенно отношение к нему проделало эволюцию – от насмешек над причудами небольшого кружка провинциальной интеллигенции к осознанию грозящей перспективы раскола не только территориального, но и исторического единства русского народа.

2. Материалы и методы

В методологическом плане работа опирается на принципы историзма и объективности. При проведении исследования применялись традиционные в российской историографии сравнительно-исторический, историко-типологический методы. В частности, сравнительно-

* Corresponding author

E-mail addresses: andrey.a.ivanov@spbu.ru (A.A. Ivanov), a.kotov@spbu.ru (A.E. Kotov), d.yanchenko@spbu.ru (D.G. Yanchenko), d.ovsiannikov@spbu.ru (D.V. Ovsjannikov)

исторический метод позволил проанализировать изучаемые процессы в их взаимосвязи и противоречивости. Мы можем сопоставить разные точки зрения на популярную ныне тему. В исследовании применены историко-описательный и политико-описательный методы. Они обеспечивают сопоставление концепций дореволюционных авторов, писавших об «украинском вопросе». Это публицисты и политики консервативного толка: М.Н. Катков, И.С. Аксаков, М.Ф. Де-Пуле, В.Я. и В.В. Шульгины, Л.А. Тихомиров, В.М. Пуришкевич и др. В источниковедческом плане особый акцент сделан на изучении важного свидетельства ушедшей эпохи, периодической печати – газет «Московские ведомости» и «Киевлянин». Анализ современной отечественной историографии по теме исследования подтверждает, что представленные в статье вопросы по-прежнему актуальны в научной литературе и нуждаются в дополнительном изучении.

3. Обсуждение

Главным критиком «украинофильства» во второй половине XIX в. был известный публицист, редактор «Московских ведомостей» М.Н. Катков. Состоявшееся в 1840–1860-х гг. «начало модерного украинского национализма» (Миллер, 2000: 227) пореформенным обществом воспринималось как причудливое и во многом симпатичное ответвление славянофильского народничества. Вплоть до польского восстания 1863 г. М.Н. Катков также относился к «украинофильству» достаточно спокойно – как к идее «безвредной по своей несостоятельности».

К полемике с немногочисленным тогда украинофильским кружком Катков обращается в переломные 1860-е. Идея украинской самостоятельности (пока только культурной, выражавшейся в требовании журналом «Основа» открытия государственных народных школ на украинском языке) представлялась Каткову абсурдной и не слишком опасной сама по себе – она могла стать «положительно вредною [...] только как примесь к чему-либо другому, как готовое пособие для каких-нибудь более практических доктрин, как готовое оружие для какой-нибудь более серьезной пропаганды» (Московские ведомости. 1863. №136. 21 июня). Свою борьбу против «украинофильства» редактор сравнил с поведением моряка, «который, заметив на небе черное пятнышко, принимает меры против бури» – в противоположность тому, «который начинает убирать парус, когда уже налетел шквал» (Московские ведомости. 1864. №31. 6 февраля). В сферу политического это «пятнышко» переводили два фактора – польский и «петербургский»: «Земских корней это призрачное явление не имеет. Занесенное на берега Днепра с берегов Невы и Вислы, оно всем своим значением обязано этой встрече, [...] неожиданной, но повторявшейся и при других случаях, а потому заслуживающем самого серьезного внимания» (Московские ведомости. 1864. №193. 2 сентября).

Большинство украинофилов, по мнению Каткова, «не отдают себе отчета в своих стремлениях» и «служат орудием самой враждебной и темной интриги», «покорным орудием заклятых врагов своей Украины», – т.е. польских мятежников: «Самые фанатические из польских агитаторов ожидают рано или поздно особенной пользы своему делу от украинофильства, и поддерживают его всеми способами, разумеется, прикрывая себя разными масками». Одной из таких «масок» было отрицание существования русских – впервые, как видим, высказанное польскими националистами: «Ставя вопрос о существовании русского народа, чего лучшего могут ожидать польские фанатики как не разложения в собственных недрах русского народа» (Московские ведомости. 1863. №136. 21 июня). Предвосхищая современных критиков примордиализма, «польские публицисты с бесстыдной наглостью доказывали, что русская народность есть призрак», а «народ *российский*» «не имеет и не может иметь никакой национальности, потому де, что создан не историей, а указом императрицы Екатерины II, переименовавшей монголов в русских» (Московские ведомости. 1864. №193. 2 сентября). Другой «маской», прикрывающей «заветные и вместе злостные стремления этой язвы» была попытка представить украинофильство как противовес польскому влиянию – на что «Московские ведомости» возражали: «Немцы не развивали в Шлезвиге особого наречия, чтобы противодействовать там датскому влиянию» (Московские ведомости. 1866. №98. 7 мая).

Однако и «блудливая рука» «польской интриги», и сами нигилисты не были для Каткова главной угрозой – т.к. польский вопрос «отражает в себе как в верном зеркале все слабые стороны России». Украинское крестьянство представлялось ему вполне лояльным, поэтому «надежды поляков» были связаны с теми русскими, «которые больше расположены к космополитизму, чем юго-западный русский народ»: «Эти элементы пригодны на всё, что может вредить русскому национальному делу; всякая пригрезившаяся мечта, всякое детское опасение способны увлекать эти элементы сильнее, чем не существующий для них интерес национального дела. Люди, которые очень могли бы действовать с пользой, становятся в политическом отношении совершенно беспомощными, когда не имеют в себе живого чувства своей национальности [...] Из этих вечно колеблющихся, беспомощных и безразличных элементов могут возникать самые противоположные явления. Из них, между прочим, возникло и в них нашло сочувствие себе украинофильство», которое «пошло параллельно со всеми другими отрицательными направлениями» (Московские ведомости. 1864. №193. 2 сентября).

Отрицая теорию «двух русских народов», «малороссийское наречие» Катков считал диалектом русского: «... В Германии что ни местность, то особенное наречие, и до такой степени особенное, что человек, отлично знающий по-немецки, не поймет ни слова в том местном говоре. Во Франции то же

самое и то же самое в Англии. Во всех этих странах, при могуществе общей всем цивилизации и литературного языка, существуют резкие народные особенности [...], которые гораздо более разнятся между собою, чем даже языки русский и польский» (*Московские ведомости*. 1866. №12. 15 февраля).

«Две русские народности и два русских языка» представлялись Каткову столь же невозможными, как «две французские народности и два французских языка». «Идея о “двух народностях русских”, – говорилось в другой передовице «Московских ведомостей», – пущена в ход отнюдь не нами. Мы никогда не хотели знать никаких великоруссов и южноруссов; их выдумали именно те, против которых мы вооружаемся; для нас же это не более, как географический термин. Мы желали бы знать только русских, дорожащих единством и процветанием России» (*Московские ведомости*. 1864. №168. 30 июля).

Русский язык Катков принципиально отказывается именовать «великороссийским», т.к. это «язык не племенной, а исторический... в его образовании столько же участвовала северная Русь, сколько и южная, и последняя даже более» (*Московские ведомости*. 1863. №136. 21 июня).

Идея преподавания в народных школах на «народном наречии» не без оснований виделась Каткову антидемократической, закрывающей для крестьянства еще один социальный лифт: «в Белоруссии [...] были случаи, когда крестьяне не хотели, чтобы их детей учили по-белорусски, желали, чтобы их учили *царскому языку*: иначе, говорили они, мы будем всегда в черном теле [...] Итак, держать сельчан в черном теле и сделать для них чуждым язык верховной власти, этого ли желают петербургские украинофилы?» (*Московские ведомости*. 1866. №98. 7 мая).

Тезис об антидемократическом характере украинофильства позднее развивал в своих статьях один из сподвижников М.Н. Каткова – М.Ф. Де-Пуле. Он расценивал преподавание украинского языка в школах (напомним, именно это было главным требованием первых украинофилов) как меру, изолирующую малороссийское простонародье от социального прогресса: «В настоящую пору распространение нашего государственного языка (литературного и образованного) идет с поразительной быстротой. Даже такая крепкая племенная индивидуальность как еврейская, в лице своего учащегося молодого поколения, начинает забывать свой жаргон, и это не в Одессе одной, а даже в таких городах, как Вильна. [...] И вдруг украинофилы со своими запоздалыми требованиями [...] Народность сама ассимилируется, сама бежит навстречу слиянию с общею матерью-родиной, а вы говорите о жестокости, о насилии!.. Не с той ли стороны, напротив, идет насилие, которая становится поперек этому историческому движению и старается поставить ему преграды» (*Де-Пуле*, 1881: 230-231).

Однако источником этого насилия, по его мнению, была не любимая Катковым «польская интрига»: «Украинофильство, даже самое простое и чистое, есть явление не органическое, а искусственное, вызванное прихотью людей образованных, литературным дилетантизмом» (*Де-Пуле*, 1881: 214). «Прихоть» эта была закономерной болезнью роста. Перенасыщенность русской литературы талантами, по мнению Де-Пуле, вела к тому, что второстепенные литераторы искали альтернативное поле для самореализации: «Когда завершилось создание общего русского литературного языка, когда в этом направлении дела стало меньше, а результаты трудов стали обещать блестящие успехи только для крупных дарований: тогда начало появляться в разных местах украинофильство, писательство на малороссийском языке, положившее начало его литературной обработке» (*Де-Пуле*, 1881: 216).

Полемика с украинофильским кружком и его петербургскими апологетами не вела ни Каткова, ни его единомышленников к украинофобии как таковой: «Нет, мы любим Украину, – любим как часть нашего отечества, как живую и дорогую часть нашего народа, как часть нас самих, и потому-то нам так ненавистна всякая попытка внести чувство *моего* и *твоего* в отношении Украины и России [...] Мы любим Украину, своеобычный характер ее детей, поэзию ее преданий и мелодий; ее напевы так же близки и родственны нам, как и песни, оглашающие Волгу. Мы весьма далеки от того, чтобы осуждать тех украинцев, которые пристрастны к своей родине. Le patriotisme du clocher есть весьма почтенное чувство, но оно не должно исключать патриотизма более широкого; интересы *родины* не следует противопоставлять интересам *отечества*» (*Московские ведомости*. 1864. №31. 6 февраля).

Сам Катков оценивал эффективность своей пропаганды достаточно высоко: «украинофильская агитация прекратилась; в 1864 году о ней уже не было помину, а в 1865 году начали ее стыдиться даже те, кто ею увлекался [...] Шаловливая рука, дергавшая ниточками, спряталась, и агитация, вызванная этою работою, исчезла как марево, в украинских степях. Все успокоилось и занялось лучшим делом в пользу общую» (*Московские ведомости*. 1866. №12. 15 января). В XX веке стало очевидно, что редактор «Московских ведомостей» ошибался: тот «призрак», с которым он боролся, обрел плоть и кровь. Впрочем, и в 1860-е гг. не все русские консервативные националисты разделяли катковские воззрения.

И.С. Аксаков, «не постигавший» «полноты русского развития без Малороссии», был убежден, что «у нас не было бы “Мертвых душ”», если бы Костомаров или Кулиш «наложили бы на него [Гоголя] пути племенного эгоизма и сузили бы его горизонт кругозором одного племени» (*Аксаков*, 2016: 60-61). «Племенному эгоизму» украинских националистов публицист противопоставлял идею «всерусского народа». При этом он отрицал «всякую репрессивную меру» по отношению к украинским националистам и подчеркивал свою готовность к свободной дискуссии с ними:

«Моя филокацапская газета охотно поместит на своих столбцах всякое печатное [...] возражение против наших москальских теорий» (Аксаков, 2016: 65).

Своеобразным и во многом отличавшимся от катковского был взгляд на украинский вопрос одной из важнейших провинциальных газет катковского направления – основанного В.Я. Шульгиным «Киевлянина». Если Катков решительно отвергал концепцию «трех русских народов» (Котов, 2014: 6-12), то Шульгин скорее склонялся именно к ней: «редакция смотрит на взаимные отношения великоруссов, малоруссов и белоруссов не с узко-великорусской точки зрения, не с хохломанольвовской и не с шляхетско-польской: она смотрит на эти три местные группы как на три родные отрасли, как на три проявления одного русского народа. Их скрепляет воедино не одна внешняя государственная связь, союз идет глубже: он проникает в соки и кровь организма единоверного, единоплеменного, единопольского, – он сложился историею, и не разорвать его никаким кабинетным теоретикам и непризванным областным патриотам» (Киевлянин. 1864. №1. 1 июля).

Шульгин осторожно намекал на чрезмерность катковской критики украинского движения, сочувственно цитируя в своей передовице письмо одного из читателей: «нам кажется странным то значение, которое многие, [...] приписывают кажущимся сепаративным стремлениям в этом отношении. Мы позволяем себе думать, что такого значения далеко не приписывали, в особенности в начале, сами себе люди, подавшие инициативу к сепаратизму. Их поставила на ходули серьезная борьба, начатая противу них [...] Вся опасность украинофильского учения, по нашему мнению, заключается в том, чтобы этим оружием не пользовались поляки для удовлетворения своим тенденциям. Что же касается до чистого, так сказать, кровного украинофильства, то мы думаем, что отнюдь не следует смотреть в увеличительное стекло на микроскопические успехи этого учения на поле так называемой малороссийской народности. Предоставьте только этот элемент самодействию и сами не помогайте ему, и вы увидите, что все останется по-прежнему» (Киевлянин. 1864. №6. 13 июля). В одной из последующих передовиц редактор добавлял об этом последнем направлении: «Цель наша – снять с южнорусского народа клеймо позора, которое многие господа кладут на него, называя этих деятелей хохломанами, малороссофилами, украинофилами» (Киевлянин. 1864. №9. 21 июля).

Вскоре Шульгин вступил даже в полемику по украинскому вопросу с «Московскими ведомостями» – разумеется, соблюдая при этом все необходимые в обращении с М.Н. Катковым требования «техники безопасности». Публицист начал с того, что «“Московские ведомости” смотрят на польский вопрос с русской государственной точки зрения, мы смотрим на него с местной народной, следовательно также русской точки зрения – а та и другая очень близко соприкасаются между собою [...] Воззрения “Московских ведомостей” [...] – воззрения, вытекающие из трезвого понимания действительности и должны служить рано или поздно восторжествовать вопреки господствующим в данную минуту в обществе направлениям. Но “Московские ведомости”, усвоив себе относительно польского вопроса взгляд, по нашему мнению трезвый, и потому нами разделяемый, весьма удобно могут к другим касающимся нас вопросам относиться совершенно иначе и встречать в нашей газете по этим вопросам более или менее резкое противоречие». Далее редакция «Киевлянина» утверждала, что в «вопросе о хлопоманстве» «мы никогда не сближались с московскою газетою [...] мы считали хлопоманство невинною игрою университетской молодежи, игрою, которой поспешила придать опасное значение польская интрига» (Киевлянин. 1866. №44. 14 апреля).

Сделаться единомышленником П.А. Кулиша и Н.И. Костомарова старший Шульгин, конечно же, не мог. Он активно полемизировал с «Санкт-Петербургскими ведомостями», поддержавшими главное требование тогдашних украинофилов – открытие народных школ на украинском языке. Подчеркнув своё единомыслие с автором, он поместил в «Киевлянине» статью М.В. Юзефовича на эту тему. В ней публицист задавался вопросом, для чего нужна простому народу грамотность, и сам же отвечал: «Конечно, в ближайшем результате, для усвоения самых простых нравственно-религиозных понятий и для практического обихода жизни, а затем, для открытия пути выделяющимся из него способным единицам к дальнейшему умственному развитию». Для первой цели в России уже имелся церковнославянский, для прочих имелся «общерусский». Юзефович, таким образом, предвосхищал позднее прозвучавшие на страницах «Русского вестника» тезисы М.Ф. Де-Пуле: «Для всех жизненных потребностей, народу нашему, прежде всего, необходимо непосредственное знание этого русского языка. А к каким бы результатам пришел народ, заключивши свое первоначальное образование в местную речь? – Прежде всего, он остался бы при неспособности самолично действовать во всех отправлениях гражданской жизни [...] и это в то время, когда он призывается к непосредственному представительству своих земских интересов и к участию в судопроизводстве! – Вторым результатом была бы совершенная неспособность, то значительное затруднение продолжать учение в следующих за народной школой училищах [...] Не послужила ли бы, таким образом, местная речь задержкою для народа в его дальнейшем развитии?» При этом публицист с редактором вполне сходились друг с другом и расходились с М.Н. Катковым по вопросу «о так называемой малороссийской литературе: очень и очень желательно отстранить от нее всякое стеснение и вполне предоставить ее своей судьбе [...] Было бы смешно думать, что эта десятифунтовая

литература может взять верх над тысячелетней литературой, наполняющей все наши библиотеки и архивы» (Киевлянин. 1866. №48. 23 апреля).

Позже Шульгин будет утверждать, что «украинофильство, так же, как и славянофильство, есть справедливое в основе, но крайнее в формах и извращенное многими до безобразия стремление к усвоению и изучению народного духа [...] Мы не скрывали смешных и диких сторон украинофильства [...] Но в то же время мы указывали на то, что возвели украинофильство в чин политического вопроса поляки» (Киевлянин. 1867. №58. 1 июня). Несколько лет спустя «Киевлянин» сравнит украинское движение с «шалостями взрослых детей» (Киевлянин. 1874. №97. 7 сентября) и даже делает в его адрес ряд реверансов: «Нужно отдать справедливость украинофильству: имело оно много недостатков, но в нем, т.е. в лучшей сознательной его части, была и положительная сторона: представители его, ближе и непосредственно знакомые с ролью и характером полонизма в западной России, никогда не переставали указывать остальному русскому обществу на этот характер и на эту роль» (Киевлянин. 1872. №7. 15 января).

Украинский вопрос затрагивался и в публицистике П.А. Кулаковского. Наиболее последовательно свои взгляды он изложил в своей записке к С.Д. Сазонову по поводу сделанного в 1910 г. австрийским посольством предложения приравнять украинскую (точнее, «русинскую») литературу к иностранной. Смешивая русинский язык с украинским, Кулаковский повторяет практически все катковские аргументы относительно недопустимости выделять из «множества русских наречий» «малороссийское»: «Если бы допустить мысль, что этот язык и эта словесность составляют нечто особое, то логически необходимо было бы допустить существование особого белорусского языка, оправдать польскую попытку в 1907 г. создать для населения части будущей Холмской губернии особый “полецкий” язык, допустить возможность возникновения “севернорусского” языка и литературы для Вологодской и Архангельской губ., особого Сибирского языка и т.д. Тогда бы оказалось, что собственно русского языка, литературы, и даже такого народа не существует». К этим аргументам Кулаковский добавляет и попытку «австрийской политики» «придумать “боснийский” язык» – который, впрочем, «не лишился своей природы и остался тем же, что и был – равнозначностью сербо-хорватского». Однако уверенность в бесперспективности «украинофильской» деятельности не мешает ему отрицать возможность «самой малой уступки австро-венгерским требованиям» (ОР ИРЛИ. Ф. 572. Ед. хр. 46. Л. 30б. - 4).

Л.А. Тихомиров также касался в своих трудах «украинства», которое именовал не иначе как «гнилой болячкой на теле русского народа» (Тихомиров, 2016: 265). Такое резкое суждение известного консервативного теоретика объяснялось тем, что «украинство» он расценивал как идею совершенно искусственную и гибельную, как для великороссов, так и для малороссов, ибо «фантазия сочинять “украинскую мову” и национальность – это есть фантазия самоубийства» (Тихомиров, 2016: 269). Еще более резок в своих оценках «мазепинства», как в начале XX в. стали называть украинский сепаратизм, ведущий публицист «Нового времени» М.О. Меньшиков, считавший насадителей враждебного России «самостийного украинства» «преступной партией», движимой «воспаленной ненавистью к России» (Меньшиков, 2016: 332).

Не обошел своим вниманием «украинский вопрос» и известный правый политик В.М. Пуришкевич, чьи предки по отцовской линии причисляли себя к малороссийской народности. Однако «мазепинства» он категорически не принимал. Имевший историко-филологическое образование Пуришкевич, обращаясь к властям, предупреждал, что малороссийское литературное движение, первоначально претендовавшие лишь на развитие украинской культуры, стало вырождаться в политическое явление сепаратистского толка. Протестуя против попыток некоторых местных деятелей доказать принципиальное отличие украинцев от «москалей», Пуришкевич, подвергнув анализу морфологические и фонетические особенности великорусского и малорусского языка, обосновывал принадлежность их к «единой лингвистической группе», считая украинский язык лишь вульгарным наречием языка русского. Исходя из этого, он приходил к заключению, что «способствовать развитию особой простонародной литературы на украинском наречии значило бы положить прочное основание к развитию убеждения в возможность осуществления в будущем отчуждения Украины от России». «Украина, средняя Россия и Россия западная, населенная белорусами, силою исторических событий и естественного тяготения окраин к соплеменному им великорусскому центру составляет одно неразрывное и единое тело, а потому поощрять или хотя бы только равнодушно относиться к попыткам известной политической группы берущей на себя смелость быть представительницею, якобы только духовных интересов Украины, но способной сеять в ней лишь рознь и смуту, было бы величайшей политической неосторожностью. И правительство и Гос. Дума должны твердо усвоить себе эту точку зрения», – предостерегал политик (Пуришкевич, 1910: 9). Д.В. Скрынченко соглашался с этим взглядом. Публицист не видел необходимости обучать в школах детей малороссов на их «мове», он характеризовал её как «домашнее просторечие». «Кому нужно было такое обучение? не кучке ли типов, которые, под невинной вывеской “культурного самоопределения”, прививали народу изменнические, мазепинские традиции?» – задавался риторическими вопросами Скрынченко (Скрынченко, 2009: 34-35). А правый публицист Д.Д. Муретов, также отказывавшийся признавать малороссов отдельной от русских народностью, заявлял: «Кто говорит, что народным языком Малороссии является украинский язык, тот отрицает

национальное значение для нее языка русского. Кто говорит: национальная литература Малороссии есть литература на украинском языке, тот отнимает у малороссов право считать Пушкина, Гоголя, Достоевского и Толстого своими писателями; тогда история Великой России не есть родная история для малороссов, предания мужества и самоотвержения, создавших величайшее в мире государство, – уже не родные для Малороссии предания» (Муретов, 2015: 187). При этом, Муретов метко подмечал, что в отличие от национализмов «великих», «малый» украинский национализм, «возводящий ничтожные отличия в степень особого национального сознания», строится не на положительном, а на отрицательном принципе – на противопоставлении себя русскому народу. «В таком противоположении, – заключал публицист, – всякий малоросс должен будет отказаться, как не от своего, от самого ценного своего. А то, что остается у него своего, это – жалкие обрывки, не дающие ничего цельного», так как «ни русского из малорусского, ни малорусского из русского исключить нельзя». Это наблюдение подводило к выводу, что «украинский национализм должен замкнуться в мелочь, стать провинциализмом, внести в жизнь узость и слепоту сектанта» (Муретов, 2015: 188).

Но были в консервативном лагере и иные взгляды на украинскую проблематику. Профессор Т.И. Локоть (в прошлом трудовик, а затем приверженец «государственного национализма» и самодержавной монархии), рассматривал великороссов, малороссов и белорусов как этнографические группы, исторически составляющие русскую народность, но еще не объединенные в единую русскую политическую (государственную) нацию. В связи с этим, отмечал профессор, существует реальная почва для украинского национализма, поскольку «20-миллионное малорусское племя все же говорит своим особым наречием, достаточно отличным от литературного русского языка» и имеет ряд отличий от великорусской и белорусской ветвей русского народа (нравы, обычаи, народное творчество), уничтожать которые «искусственными, а тем более насильственными мерами, было бы во всяком случае бесполезно, а с точки зрения оригинальности и продуктивности творчества – даже вредно» (Чемакин, 2015: 257). По его мнению, осознание великороссами и малороссами общих экономических интересов в крае будет способствовать объединению их в единую политическую русскую нацию. При этом Локоть не закрывал глаза на явные признаки сепаратизма в украинских «просвитах», но полагал, что чисто интеллигентские организации в своем стремлении создать обособленный украинский народ успеха иметь не будут, «ввиду полного нерасположения народных масс к какому бы то ни было сепаратизму». «... Опасности в украинофильстве нет никакой, это национализм романтический, этнографический. Ассимиляция малороссов с великороссами идет неудержимо и непрерывно», – писал Т.В. Локоть (Чемакин, 2015: 260). Как справедливо отмечает современный исследователь, «Локоть советовал не преследовать украинские организации, а постепенно менять их характер», направляя обостренное национальное чувство на развитие сознания государственного единства. И тогда, заключал Локоть, «малорусские националисты станут союзниками общерусских националистов на почве единой государственности!» (Чемакин, 2015: 259). Такая точка зрения была для правого лагеря не типичной и вызывала шквал критики.

В годы Первой Мировой войны «украинская тема» обрела в публицистике русских консерваторов второе дыхание. Учитывая появление в составе австро-венгерской армии добровольческих частей из украинских националистов, русские правые стали относиться к «украинству» еще жестче, видя в его развитии стремление Германии и Австро-Венгрии при помощи «мазепинцев» отколоть от Российской империи малороссийские земли. При этом предпринималась попытка провести водораздел между «малороссами» и «украинцами»: первые объявлялись «чисто русскими людьми», а вторые, в лучшем случае – «шутами гороховыми», а в худшем – врагами русского дела. В статье «Война и “украинцы”» Д.В. Скрынченко восклицал: «[Мазепинство] должно теперь безвозвратно умереть, а если оно не захочет умереть, то его надо беспощадно задушить. И, думается мне, его заглушат, прежде всего, сами малороссы, потому что они – чисто русские люди и ничего общего с “украинством” не имеют» (Скрынченко, 2009: 41-42). А в постановлении Петроградского монархического совещания, состоявшегося в ноябре 1915 г. был даже отдельный пункт, в котором отмечалось, что российские либералы «под видом “восстановления малорусской печати” и освобождения арестованных в Галиции украиноманов», требуют от правительства «прекращения борьбы с мазепинством, – политическим движением, крайне опасным для целостности Русского государства, всецело созданным субсидируемым и руководимым Австро-Германией» (Совещание монархистов, 2015: 30).

Опасения русских правых стали стремительно воплощаться в жизнь во время революции и Гражданской войны. Стремительный рост украинского национализма, возникновение Украинской народной республики, а затем «незалежной» Украинской державы заставили представителей русских национально-консервативных кругов отвечать на эти вызовы.

Причем, что характерно, наиболее последовательными и убежденными борцами с «украинством» оказались киевляне А.И. Савенко и В.В. Шульгин, бывшие до революции лидерами партии русских националистов – Всероссийского национального союза. Во время Гражданской войны они демонстративно отказались от украинского подданства. В брошюре с говорящим названием «Украинцы или малороссы?» Савенко, выступая противником существования независимого от России украинского государства, стремился доказать, что «украинство» есть порождение исключительно политиканствующих сепаратистов, в то время как малороссийские народные массы

пока еще не отделяют себя от общерусского племени. «Научный спор по вопросу о том, существует ли особый украинский народ, является решенным в отрицательном смысле, – утверждал Савенко. – Множеством авторитетнейших ученых исследований в области антропологии, археологии, истории, лингвистики и т.д. установлено и неопровержимо доказано единство русского народа, который распадается на три ветви – великорусскую, малорусскую и белорусскую, отличающиеся одна от другой лишь незначительными, второстепенными различиями. [...] Профессор И.А. Сикорский по этому поводу говорит, что данные антропологии отвергают существование “украинцев” “как на земле, так и под землей”, т.е. как среди живых представителей Южной России, так и среди населения кладбищ и древних могил» (Савенко, 1919: 4-5). При этом Савенко готов был (по крайней мере, на словах) признать существование особого украинского народа, но только при условии такого самоопределения населения Малороссии, а не ее политической верхушки. На данный же момент, констатировал политик, «мы наталкиваемся на изумительное обстоятельство, коренное население Малой Руси [...] всегда и неизменно определяло себя русским народом...» (Савенко, 1919: 6). Термин же «украинцы», продолжал Савенко, всегда имел не национальное, а «провинциально-территориальное» значение. Вывод правого политика был категоричен: «украинство», отказывающиеся от общерусского родства, является «не нацией, а политической партией» (Савенко, 1919: 30).

В том же ключе рассуждал и В.В. Шульгин, для которого, как и для Савенко, «украинство» было лишь «политической сектой» (Репников, 2015: 32), его пропагандисты – «маньяками раскола» и «иудами-предателями» (Шульгин, 2015: 213, 223), а словосочетание «украинский народ» казалось бессмыслицей, ибо, по его мнению, означало «людей, обитающих на границах» (Шульгин, 2015: 179). Выступая 14 августа 1917 г. на Государственном совещании, Шульгин констатировал, что «культурный класс южной Руси, интеллигенция, давным-давно ведет между собою спор, причем часть этой интеллигенции определенно называет себя “малороссами” и оскорбляется, когда их называют “украинцами”, а другая часть определенно называет себя “украинцами” и ненавидит “малороссов”». Принципиальную разницу между этими двумя понятиями политик видел в следующем: малороссы «дорожат своим русским именем», осознают «вековые и настоящие интересы своего края», украинцы же «стараются елико возможно ограничиться от русского имени» (Шульгин, 2015: 137-138). Издаваемый Шульгиным «Киевлянин» в ноябре 1917 г. в связи с этим иронизировал: «С самоопределением народностей в нашем украинском государстве выходят некоторые неудобства, если не сказать странности. Принадлежность к тому или другому народу до сих пор обычно рассматривалась под знаком кровного родства. Например, если у человека отец и мать французы, то он никак не осмеливался назвать себя немцем, и наоборот. Но вот на Украине вышло как-то по-иному. Здесь люди забыли связь кровного единства.

Уже давно замечено странное явление:

1) Михаил Сергеевич Грушевский – ярый украинец, можно сказать – глава украинства. А Сергей Григорьевич Грушевский, его родственник (дальний) – убежденный русский.

2) Василий Витальевич Шульгин – убежденный русский. А Александр Яковлевич Шульгин, его племянник (двоюродный) – щирый украинец (один из “секретарей” украинского правительства)» (Чемакин, 2015: 257).

«Украинская идея, т.е. утверждение, что южнорусский народ – не русский, долго не выдержит, ибо оно лживо и рассчитано на невежество», полагал Шульгин, отмечая при этом, что «“особенности” южно- и северно-русские, подновленные годами разделения, останутся» (Репников, 2015: 32). Создание независимого украинского государства Шульгин воспринимал как «дезертирство» Малой Руси и с горечью заявлял: «Нам тяжело будет, если Киев из матери городов русских станет рассадником украинского отщепенства» (Шульгин, 2015: 125). По мнению Шульгина, для создания особого украинского государства не было ни исторической основы, ни насущных жизненных обстоятельств, за исключением амбиций политиканов и интересов Польши, Германии, Австрии. «... Просмотрев всю историю Малороссии, мы убеждаемся, что никогда, ни в какую эпоху Украинской державы не существовало. Земли же, которые ныне зачисляются во вновь сфабрикованную Украинскую державу, всегда и неизменно считали себя русскими, причем в более древний период назывались просто Русью, а в позднейший – Малой Русью. Это, впрочем, вполне понятно. Слово “Украина” означает то, что находится “у края”, т.е. оно равносильно слову “окраина”. Независимое государство не может быть окраиной», – заключал В.В. Шульгин. Позднее, в эмиграции, эти мысли были развиты им в широко известной брошюре «Украинствующие и мы!» (Шульгин, 1939). В ней же объявлялся и окончательный приговор «украинству»: «Оно было изобретено поляками (граф Ян Потоцкий); поставлено на ноги австро-немцами (“Украину сделал я!” – заявление генерала Гофмана); но консолидировано оно большевиками, которые вот уже 20 лет без просыпа украинствуют (конституция Сталина 1937 г.)» (Шульгин, 2015: 233).

Кроме того, русских националистов малороссийского происхождения (В.В. Шульгин, А.И. Савенко, В.Я. Демченко, С.Г. Грушевский), выступавших за единое общерусское государство, украинский национализм определенно не устраивал еще и в силу своей местечковости и провинциальности. По их мнению, это было недостойно Киева как исторической столицы всей Руси,

опережавшего и Москву, и Петербург в плане развитости русского национального самосознания (Чемакин, 2016: 62).

4. Заключение

Борьба русских консерваторов с проявлениями украинского национализма, «самостийности» и «незалежности», на протяжении всего рассматриваемого периода была далека от проявлений радикализма и ксенофобии. Несмотря на довольно резкие оценки нарождавшегося «украинства», представители общерусского консервативного лагеря никогда не позволяли себе уничижительных суждений по адресу жителей Малороссии. И связано это было не только с тем, что среди русских консерваторов было немало тех, кто одновременно считал себя детьми Великой и Малой Руси, но и с тем, что «украинская идея» воспринималась ими как химера, навязываемая антироссийски настроенной частью местной интеллигенции малороссийскому простонародью. Русские консерваторы не видели в появлении «украинства» ни исторической обоснованности, ни естественной потребности, а потому вынуждены были трактовать это явление, прежде всего, как политический проект, нацеленный на разделение единого народа и государственной территории, выгодный лишь геополитическим противникам Российского государства.

5. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке НИР СПбГУ «Кризис идентичности на постсоветском пространстве в зеркале конфликта», шифр ИАС НИД СПбГУ «5.38.279.2014».

Литература

- Аксаков, 2016 – Аксаков И.С. Письмо к Н.И. Костомарову о Малороссии // Украинский вопрос в русской патриотической мысли. М.: Книжный мир, 2016. 800 с. С. 58-65.
- Де-Пуле, 1881 – Де-Пуле М.Ф. К истории украинофильства // Русский вестник. 1881. №4. С. 210-234.
- Киевлянин. 1864. №1 – Киевлянин. 1864. №1. 1 июля.
- Киевлянин. 1864. №6 – Киевлянин. 1864. №6. 13 июля.
- Киевлянин. 1864. №9 – Киевлянин. 1864. №9. 21 июля.
- Киевлянин. 1866. №44 – Киевлянин. 1866. №44. 14 апреля.
- Киевлянин. 1866. №48 – Киевлянин. 1866. №48. 23 апреля.
- Киевлянин. 1867. №58 – Киевлянин. 1867. №58. 1 июня.
- Киевлянин. 1872. №7 – Киевлянин. 1872. №7. 15 января.
- Киевлянин. 1874. №97 – Киевлянин. 1874. №97. 7 сентября.
- Котов, 2014 – Котов А.Э. Украинский вопрос в политической публицистике «катковского направления» // Клио. 2014. №11. С. 6-12.
- Меньшиков, 2016 – Меньшиков М.О. Быть ли России Великой? // Украинский вопрос в русской патриотической мысли / Сост., предисл., послесловие и прим. А.Ю. Минакова. М.: Книжный мир, 2016. 800 с. С. 332-341.
- Миллер, 2000 – Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000. 260 с.
- Московские ведомости. 1863. №136 – Московские ведомости. 1863. №136. 21 июня.
- Московские ведомости. 1864. №31 – Московские ведомости. 1864. №31. 6 февраля.
- Московские ведомости. 1864. №193 – Московские ведомости. 1864. №193. 2 сентября.
- Московские ведомости. 1864. №168 – Московские ведомости. 1864. №168. 30 июля.
- Московские ведомости. 1866. №98 – Московские ведомости. 1866. №98. 7 мая.
- Московские ведомости. 1866. №12 – Московские ведомости. 1866. №12. 15 февраля.
- Муретов, 2015 – Муретов Д. Этюды о национализме // Национализм. Полемика 1909–1917 / Сост. М. А. Колеров. 2 изд. М.: Модест Колеров, 2015. 304 с. С. 179-190.
- ОР ИРЛИ – Отдел рукописей Института русской литературы.
- Пуришкевич, 1910 – Пуришкевич В.М. Растаскивание России. Самоопределяющаяся украинская интеллигенция // Прямой путь. 1910. 20 января. С. 9-10.
- Репников, 2015 – Репников А.В. Долгая жизнь Василия Шульгина // Шульгин В.В. Россия, Украина, Европа: избранные работы / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.В. Репников. М.: Посев, 2015. 422 с. С. 5-55.
- Скрынченко, 2009 – Скрынченко Д.В. Минувшее и настоящее. Избранная публицистика. Предисл., сост., подг. текста и прим. В.Б. Колмакова. Ч. 2. Воронеж: [Без издательства], 2009. 192 с.
- Совещание монархистов, 1915 – Совещание монархистов 21–23 ноября 1915 года в Петрограде. Постановления и краткий отчет. М.: Типография градоначальства, 1915. 45 с.
- Савенко, 1919 – Савенко А.И. Украинцы или малороссы? (Национальное самоопределение населения Южной Руси). Ростов-на-Дону: [Без издательства], 1919. 32 с.
- Тихомиров, 2016 – Тихомиров Л.А. Украинцы и малороссы // Украинский вопрос в русской патриотической мысли / Сост. А.Ю. Минаков. М.: Книжный мир, 2016. 800 с. С. 265-269.

Чемакин, 2016 – Чемакин А.А. От русского националиста до «украинизатора» // *Вопросы национализма*. 2016. № 1 (25). С. 51-77.

Чемакин, 2015 – Чемакин А.А. «Чада по духу Мазепы – польской интриги сыны»: украинское движение в оценках русских национал-демократов начала XX в. // *Проблемы национальной стратегии*. 2015. № 3 (30). С. 51-77.

Шульгин, 2015 – Шульгин В.В. Россия, Украина, Европа: избранные работы / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.В. Репников. М.: Посев, 2015. 422 с.

Шульгин, 1939 – Шульгин В.В. Украинствующие и мы! Белград: Издательство Н.З. Рыбинского. Изд-во Russia Minor, 1939. 32 с.

References

Aksakov, 2016 – Aksakov I.S. (2016). Pis'mo k N.I. Kostomarovu o Malorossii [Letter to N. Kostomarov about Russia Minor] // *Ukrainskij vopros v russkoj patrioticheskoj mysli*. [Ukrainian question in Russian patriotic thoughts]. Moscow: Knizhnyj mir, 800 p. pp. 58-65. [In Russian]

De-Pulet, 1881 – De-Pulet M.F. (1881). K istorii ukrainofil'stva [On the history of Ukrainophilism]. *Russkij vestnik*. №4. pp. 210-234. [In Russian]

Kievljanin. 1864. №1 – Kievljanin. 1864. №1. 1 July. [In Russian]

Kievljanin. 1864. №6 – Kievljanin. 1864. №6. 13 July. [In Russian]

Kievljanin. 1864. №9 – Kievljanin. 1864. №9. 21 July. [In Russian]

Kievljanin. 1866. №44 – Kievljanin. 1866. №44. 14 April. [In Russian]

Kievljanin. 1866. №48 – Kievljanin. 1866. №48. 23 April. [In Russian]

Kievljanin. 1867. №58 – Kievljanin. 1867. №58. 1 June. [In Russian]

Kievljanin. 1872. №7 – Kievljanin. 1872. №7. 15 January. [In Russian]

Kievljanin. 1874. №97 – Kievljanin. 1874. №97. 7 September. [In Russian]

Kotov, 2014 – Kotov A.E. (2014). Ukrainskij vopros v politicheskoj publicistike «katkovskogo napravlenija» [Ukrainian question in political journalism of "Katkov followers"]. *Klio*. №11. pp. 6-12. [In Russian]

Men'shikov, 2016 – Men'shikov M.O. (2016). Byt' li Rossii Velikoj? [Will Russia be Great?] // *Ukrainskij vopros v russkoj patrioticheskoj mysli* / Sost., predisl., posleslovie i prim. A.Ju. Minakova. Moscow: Knizhnyj mir, 800 p. pp. 332-341. [In Russian]

Miller, 2000 – Miller A.I. (2000). «Ukrainskij vopros» v politike vlastej i russkom obshhestvennom mnenii (vtoraja polovina XIX v.). ["Ukrainian question" in the policy of the authorities and the Russian public thoughts (the second half of XIXth century.)]. St. Petersburg: Aleteija, 260 p. [In Russian]

Moskovskie vedomosti. 1863. №136 – Moskovskie vedomosti. 1863. №136. 21 June. [In Russian]

Moskovskie vedomosti. 1864. №31 – Moskovskie vedomosti. 1864. №31. 6 February. [In Russian]

Moskovskie vedomosti. 1864. №193 – Moskovskie vedomosti. 1864. №193. 2 September. [In Russian]

Moskovskie vedomosti. 1864. №168 – Moskovskie vedomosti. 1864. №168. 30 July. [In Russian]

Moskovskie vedomosti. 1866. №98 – Moskovskie vedomosti. 1866. №98. 7 May. [In Russian]

Moskovskie vedomosti. 1866. №12 – Moskovskie vedomosti. 1866. №12. 15 February. [In Russian]

Muretov, 2015 – Muretov D. (2015). *Jetjudy o nacionalizme* [Studies of nationalism] // *Nacionalizm. Polemika 1909–1917* / Sost. M. A. Kolerov. 2 izd. Moscow: Modest Kolerov. 304 p. pp. 179-190. [In Russian]

OR IRLI – Manuscript Division of the Institute of Russian Literature (Pushkin House PR).

Purishkevich, 1910 – Purishkevich V.M. (1910). Rastaskivanie Rossii. Samoopredelajushhajasja ukrainskaja intelligencija [Stripping Russia. Self-defined Ukrainian intelligentsia] // *Prjamoj put'*. 20 janvarja. pp. 9-10. [In Russian]

Repnikov, 2015 – Repnikov A.V. (2015). Dolgaja zhizn' Vasilija Shul'gina [Long life of Vasily Shulgin] // *Shul'gin V.V. Rossiya, Ukraina, Evropa: izbrannye raboty* / sost., avt. vstup. st. i komment. A.V. Repnikov. Moscow: Posev. 422 p. pp. 5-55. [In Russian]

Skrynchenko, 2009 – Skrynchenko D.V. (2009). Minuvshee i nastojashhee. Izbrannaja publicistika. [The past and the present. Selected essays]. Predisl., sost., podg. teksta i prim. V.B. Kolmakova. Ch. 2. Voronezh: [Bez izdatel'stva]. 192 p. [In Russian]

Soveshhanie monarhistov, 1915 – Soveshhanie monarhistov 21–23 nojabrja 1915 goda v Petrograde. Postanovlenija i kratkij otchet. [Monarchists Meeting in St. Petersburg. Decisions and summary record. November 21–23, 1915]. Moscow: Tipografija gradonachal'stva, 1915. 45 p. [In Russian]

Savenko, 1919 – Savenko A.I. (1919). Ukraincy ili malorossy? (Nacional'noe samoopredelenie naselenija Juzhnoj Rusi). [Ukrainians or people of Russia Minor? (National self-determination of the people of Southern Russia)]. Rostov-na-Donu: [Bez izdatel'stva]. 32 p. [In Russian]

Tihomirov, 2016 – Tihomirov L.A. (2016). Ukraincy i malorossy [Ukrainians and peoples of Russia Minor] // *Ukrainskij vopros v russkoj patrioticheskoj mysli* / Sost. A.Ju. Minakov. Moscow: Knizhnyj mir, 800 p. pp. 265-269. (In Russian)

Chemakin, 2016 – Chemakin A.A. (2016). Ot russkogo nacionalista do «ukrainizatora» [From Russian nationalist to "ukrainizator"]. *Voprosy nacionalizma*. № 1 (25). pp. 51-77. [In Russian]

Chemakin, 2015 – Chemakin A.A. (2015). «Chada po duhu Mazepy – pol'skoj intrigi syny»: ukrainskoe dvizhenie v ocenках russkih nacional-demokratov nachala XX v. ["Heirs of the spirit of Mazepa" - the sons of the Polish intrigue": Ukrainian movement in estimates of Russian national democrats beginning of XX century]. *Problemy nacional'noj strategii*. № 3 (30). pp. 51-77. [In Russian]

Shul'gin, 2015 – Shul'gin V.V. (2015). Rossiya, Ukraina, Evropa: izbrannye raboty [Russia, Ukraine and Europe: the best studies] / sost., avt. vstup. st. i komment. A.V. Repnikov. Moscow: Posev, 422 p. [In Russian]

Shul'gin, 1939 – Shul'gin V.V. (1939). Ukrainstvujushhie i my! [Those who pretend to be Ukrainians and we are!]. Belgrad: Izdatel'stvo N.Z. Rybinskogo. Izd-vo Russia Minor. 32 p. [In Russian]

УДК 93

Украинский вопрос в русской консервативной мысли. Конец XIX – начало XX века

Андрей Александрович Иванов ^{a, *}, Александр Эдуардович Котов ^a, Денис Геннадьевич Янченко ^a, Дмитрий Владиславович Овсянников ^a

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Украинский национализм появляется в середине XIX века. Русскими консерваторами он не воспринимался в качестве серьезной угрозы. Отношение к этой проблеме проделало серьезную эволюцию – от насмешек над причудами небольшого кружка провинциальной интеллигенции к осознанию грозящей перспективы раскола территориального и исторического единства русского народа. Редактор «Московских ведомостей», известный публицист М.Н. Катков был главным критиком «украинофильства» во второй половине XIX в. Иначе, но в целом тоже критически, смотрели на это движение М.Ф. Де-Пуле, И.С. Аксаков и основатель «Киевлянина» В.Я. Шульгин. Серьезной критике подвергали украинский национализм правые публицисты того периода: П.А. Кулаковский, Л.А. Тихомиров, М.О. Меньшиков, В.М. Пуришкевич, Д.В. Скрынченко, Д.Д. Муретов. На особых позициях стоял националист Т.В. Локоть, рассматривавший великороссов, малороссов и белорусов как этнографические группы русских, не объединенные в политическую нацию. Наиболее последовательными и убежденными борцами с «украинством» оказались киевляне А.И. Савенко и В.В. Шульгин. Несмотря на довольно резкие оценки нарождавшегося «украинства», представители консервативного лагеря не позволяли себе уничижительных суждений по адресу жителей Малороссии. Среди русских консерваторов было немало тех, кто одновременно считал себя детьми Великой и Малой Руси, но «украинская идея» воспринималась ими как химера. Она была навязана антироссийски настроенной частью местной интеллигенции простонародью. Русские консерваторы не видели в появлении «украинства» ни исторической обоснованности. Они трактовали это явление как политический проект, нацеленный на разделение единого народа и государственной территории, выгодный геополитическим противникам России.

Ключевые слова: русский консерватизм, украинский национализм, Украина, украинофильство, М.Н. Катков, В.Я. Шульгин, В.В. Шульгин, В.М. Пуришкевич, А.И. Савенко, Т.В. Локоть.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: andrey.a.ivanov@spbu.ru (А.А. Иванов), a.kotov@spbu.ru (А.Э. Котов), d.yanchenko@spbu.ru (Д.Г. Янченко), d.ovsiannikov@spbu.ru (Д.В. Овсянников)